

№ 3.

ТЕТРАДЬ

по _____ учени _____

_____ класса _____ школы

_____

_____

Памяти Маяковского.

Этих слов не ржавеет сталь —

Время лишь закалило их.

Страстных строк —
в движении спираль,

И, как молния, блещет стих.

Он в себя с жадной силой вобрал

Революции грозный шквал.

Никогда не забыв тех лет
В лихорадочном вихре ашак.

Нам тебя не забыть, Поэт,

Как воспевай тобой Красный Флаг.

Он уже полземли обошёл:

Над Текином, над Турагой
шумный алый шёрк.

Это будет. Ты знаешь... А пока

Надо жизнь передумать учесть —

И поругает мешанной во
иро-кирка,

И сгорит помпадуров
своих плеть.

И сбивает грязню ешея сброка

О Карвериста и пошляка.

В тушу будней вошея
заежив рукава,

В тушу будней клокогущих —
строить и тесить.

Сам высокий —
по поле Москва,

Сильный —
мог бы дол на плечах чнея.

Ведь издавал, как хмель,
владеет душой

Звон мечива и шурда, —
Корошо!

Кятирейка проходий сбраной,
Сибартий мир расеппарет — бурит!

И не сказкой, а явю земной
Поднимаея социализм.

Сердце! Радосит пощобуд, измерь!

Ну заеки у века револьвер?

„Я с жизнью в расейе“, —

И сердце с меня —
узелкну курок,
вразнад.

Мы знаем:
травли сердит домок
Змеирет в сиборе, как эд.

Кто же они?

Убийцы кто? Ответит поя.
Трещит поя.

... где был на Западе,
видел Нью-Йорк
И мучу правду выложил в слух,
Что мир закардонный прогнул,
прогорк,
трясина пошрости в слух.
От бешенства — с пеной у рта в уаи.
Озадачен... Ищущий наёмной руки.

И наши...
проходимцы, рваги,
Свеча вышка, эггетская шварь,—
Где они? Замокот свечи,
Вылезай на свет евре ль.
Неповажно. Поднеари хвоя.
Разговор с ними ныне —
цусь!

Без Ойчизны, без имени —
Жалкий сброд! —
Ну могли ли меня швою убить?
Их — судить, рассирелвать — вот! —
А песне твоей жить да жить,
В миллионнах сердец звенить,
Звать, чить, воспитывать, емить!

Слов твоих не ртеавей ешарь,
Время лишь оттого их.
Сираситных сиродр
в движении ешарь —
И, как морния, бешей егих.
И летит телеграммой твоя ешарь
Через наши сердца — в века.

Маяковский! Мы по тебе
Измеряем сейхов сурьба.
Кто окуршишь или блещи,
в чгоду себе
Цедши турсор словес
симвозь чета,—
Мы плюём на писак таких,
Не приемлет безмозглый стих!

Поэзия — нег! — не звучание рифм
Во славу любви и нег.
Поэзия — это сердца ринд,
Нашей жизни могущий бег,
Где творчество, труд
и любовь
Спирает в одну
неделимую нобь.

Маяковский! Мы по тебе
Измеряем патристизм
В нашем труде,
в нашей борьбе
За набунающийся коммунизм.
Мы вместе с нами
шагаешь туда
Дорогой аравенний,
Землей труда.

И радостно нам в одном строю
Идти, побеждая, — прехо к плечу...
И я днече сегодня пою,
Как учило, воспевай хогу
Землю,
рожденную в трудах и бою,
Я землю эту люблю.

Перекличка сибиряков.

Простясь с немытою Россией,
Поэт стремился на Кавказ.
Он думал, что хребты крутые —
Ему заelon от царских глаз.

Но не укрылся за Кавказом
Тот, кто царский трон шатал.
Сам царь добрал поэта глазами —
И тот — с свинцом в груди — устал.

Устал поэт — певец свободы,
И взор его навек потух.
Но не угас в душе народа
Могучий пермонтовский дух.

Трех революций волны сломали
Царя, и трон, и грязь, и мрак
И над Россией утвердились,
Как кровь поэта, арий флаг.

Шли годы... В битвах побеждал,
На стройках, Партии верна,
Трудясь, ношей не досыная,
Рождалась новая страна.

И войт теперь цветущим садом
Россия сибиряка...

Решайся, поэт,
Окнижь её просторы взглядом
И убедись, что прежней — нет.

А есть другая — та, к которой
В наш бурный век устремлены
Все честные сердца и взоры,
Любви, признания полны;

Другая, что раекрепостила
И твой мятежный, острый стих.
Вот слушай, Он звучит, В нём сила,
Живые чувства и дни больших.

КЛУБ - АХАЯН - КЛАССИКИ.

В институте — клуб гудеевский.

Я спрошу, друзья, у вас:

„Что дума его?“ — „Известно,

Ахаян,“ — раздаётся глас.

Это ок-коня седлаешь

И на нём сибиряглавъ въезжаешь
На прославленный Тарнае

Там писателей находишь

И на землю их изводит,

В клуб студенческий ведёшь,

Где их шумный ждётся народ.

Входишь... Фрунзёвский всплеск ладоней.

Гул довольных голосов...

Федин, Симонов, Лукошин,

Френбург и Ципячёв, —

С прозой тот, тот со стихами

В институтский идёшь, идёшь...

Высидишь перед нами

Все, кому наш дорог суд.

Дивный мирик.

Вот томик — маленькая книжка.

Прозити, на выбор стих открыв.

Здесь, где ни сиротка, ни мери вепшика
И чувства светлого порыв.

Что, грому первому внимаю,

Его классической сироткой —

Люблю грозу в начале мая —

Весеню не выразишь охватом!

О Тютчев, Тютчев! Дивный мирик,
Волнующий и ум, и кровь.

В его стихах особый мирик:

И жизнь, и слёзы, и любовь.

Сам Пушкин их с улыбкой ведрейшир

И намгабай — добрый знак!

Некрасов Тютчева привейшир,

Его шаранъ расцвёт — и как!

Болыар: мол, сугубо свежий,

Идеальный, славянодруш;

В его стихах, мол, дух немецкий,
Всё за границей долго жил.

Ну что сказать угненным людям,
Борьбою или подобный вздор.
Конечно, с нами мы не будем
Вейчуна в угненный нудный спор.

Невес любви, невес природы,
Он русский сердцем и душой.
Он звал славянские народы
Под знамя дружбы вековой.

Да, русский! И совсем не сведский,
Для свейца ль он свейца славал?
Сам Лев Толстой порой по-дедовски,
Читай Толстого, рыдал.

И даже Ленин в Совнаркоме
Умер тот тотик у себя,
Что был ему друзей знакомед,
Видать, не раз читал, любя.

И со всеми-то в обнимку
Ахаян запечатлен.
Приглядись к любому стишку —
И везде, конечно, он.

Вспоминаешь Андрея любит,
Как прославленный поэт

Вспоминал когда-то в клубе
(Тот, кого в живых уже нет).

Сам Владимир Маяковский
Ахаяну руку жал.

И с тех пор тот горд гербовски,
Даже сейчаслив — я б сказал.

Но одно его тревожит,
Мысли грустные идут.
Жаль, что Пушкина не можешь
Пригласить в наш инстиндукт.

Жаль, что Лермонтов, Некрасов,
Гернышевский и Толстой
Жили в век совсем другой.

Жарь, а то б весь клуб укрась
И развесив по стенам
Их портреты, вдохновенны,
Ахаян бы непременно
Гриташица их в гости к нам.

После теплой и сердечной
Всё время с классиками он
С ними снялез бы, конечно,
А потом, как свейры с он
Вспоминает бы... и с охей об
Всем показывал бы орошо:
Вой смобрише — это я,
А вой то — мои друзья.

1951

Как нрав, кто, правду соблюдая,
Сказал (и не сказать верней!),
Что эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Твое "Письмо" я прочитал...

И.С. - автору "Письма
в стихах", изложенному
на шести листах...

Твое "Письмо" я прочитал

И, кроме пошлости циничной,
В нём ничего не отыскал,
Тебе, верно, справился отменно
С своей задачей... Выложил, нет,
"Письмо" соображал не поэту.

Оно написано так окверно,
Что ни сурочка, то всё манерно,
Всё на показ, всё невпопад;
Ней же тебе ровники закончал
И скреплено лишь общим тоном,
А тон — он всюду пошловат.

Та и с грамматикой ошалеешь
Тебе не в ладу, как погляжу:
Своею спутницей Наилей
Тебе загорались "на пляжу".

Вой и музыка набура чуйка,
А те звуки душу взяли в плен:
Тебе ушваивается (не шутка ль!)
Как "ш-шелк ш-шурш-шиш
ВЫШ-ШЕ КОЛЕН."

Я не пойму, с какою целью
Тебе срифмолпейши эту чушь
И заривался ржаньем-трелью,
Таща поэмо за уши.

Любитель чуждого искусства
О грязных нищень твоих лицах.
Тебе ли изменять чувства
Иль ты им изменил в стихах,—

Как знать! Конгаю. Закруглился
Давно б нога. Таков наш взгляд:
Тебе бы стоило радишес
Столеить два толму назад.

Он, с поэтической стези
Свихнувшись, полнищею стар.
Свинья свиной — лениво в зренье,
Его б шапки на ивездебар!

Не знаю, есть ли большие грехи,
Тем, время убивая беспорочно,
Вымучивая фаршивные стихи
С какой-то радостью болезной.
За годом год их подавал в шлаг
И генералы поругайть.

О чём шепчут клёны

Парк, единой убелённый,
Жалок. Заброшен он.
Каплет, шепчут клёны
(Плутевских, верно, врёиён):

„Только нас сохранише,
Жизни минувшей след.
В бронзе или granite
В парке встанет поэт.

Будет сиюзя он вечно
В парке родном, обезутеком.
Каждый будеш, конечно,
Горд своим земляком.

Снашея шапку прохожий —
И до земли поклон:

„Он поэт был хороший,
Сяду-ка рядом, под клён.“

Это увидешь могши бы,
Только бы нас сберечь“...

Шепчут клёны да мит,
Сердце слышишь их речь.

1956г.

Твоим суедешем удивленныи,
Тебе советить я хочу,

Хотю мне вкоре к мшзу погоню
И катреду мне по илегу,

Но (и тебе, сордаи дварый,
Давне он то пошеи паря)

Не рвусь я гудью в генерала
И не ползу в профессора.

Моё призвание иное,
Видешь меня, зовешь оно.

Чини и званна — иудеос,

Мне чинна лишь нуо одно.
И воря, пубоб не знатъ чебалосъ,

Чтоб постоянно гнаешь её.

Одно нуо — канат малашь!

Оно — оручиче моё.

Оно — оручиче моё.

Кавказе

1953г.

Другу - художнику.

Сказать тебе какое слово,
Что пожелать в прощальный час?
Наследник Репина, Серова,
Держав, твори, у них учась.

Герты эпохи той прекрасной,
В какую жизнь нам суждено,
Ты вдохновенно, смело, сбраетно
Неси к себе на порождно.

Кучей коммунизму кисти поержив
(В наш век призванья выше нас),
Неси к народу радость, свет
И с правдой жизни свято дружи.

Картина так же, как и стих,
Не терпий ни малейшей фальши.
Художник - око душ молодых -
Обязан видеть глубже, дальше.

Кучей крепней кисти и пера
Содружество в едином деле,
Идеи к одной великой цели -
Тебе ни пуха ни пера.

Он в академию стремится
Во храм искусства и науки.
И будет, будет там ученик:
Его картины - в имен поручоб.

Не знаю сам, в каком году
(Но что-то сердцу подсказало,
Что будет так) однажды в залы
Музея Русского войду

И там увижу: осень... Горки...
И дорогие бесконечно
Великий Ленин - рядом Горький
Беседаю тепло, сердечно.

Как будто с порождна сошри
Два гения моей земли.

1-7, 1952

1952